

Символ эпохи: люди, книги, события

Symbol of the Epoch: Persons, Books, Events /
Das Symbol der Epoche: Personen, Bücher, Veranstaltungen

УДК 82.09(316.423.3)

Бужор Е.С.

Осмысление русской революции в творчестве Максимилиана Волошина

Бужор Евгения Сергеевна, аспирантка 2-го года обучения кафедры истории философии Российского университета дружбы народов

E-mail: viesbujor@yandex.ru

В статье исследуется вопрос об отношении М. Волошина к русской революции 1917 года. Поэт видит в ней продолжение всей русской истории. Он подмечает интересную особенность: вся история России революционна, она своего рода «перманентная революция». Причина этого, согласно М. Волошину, лежит в своеобразном строе российской государственности. В противовес революционной борьбе за материальные интересы, которую поэт отождествляет с социализмом, политический идеал поэта представляет собой революционную борьбу за духовные интересы.

Ключевые слова: революция, дух русской истории, духовность, самодержавие, социализм, Град Божий, религиозная революция.

Мировоззренческая позиция, которую М. Волошин занимал в период революционных событий и гражданской войны, имела под собой глубокие личностные убеждения и формировалась на протяжении всей сознательной жизни поэта. Революция, однако, потребовала от него, как, наверное, от каждого мыслящего человека той эпохи, еще раз переосмыслить свою позицию и отчетливо ее выразить. Политические и мировоззренческие взгляды поэта находят свое выражение в публицистике периода 1918—1920 гг., в письмах, наконец, в поэзии, поскольку М. Волошин, в силу преимущественно интеллектуального склада своей музыки, облакал в поэтическую форму свои философские и политические воззрения.

Их краткое рассмотрение целесообразно начать с отношения М. Волошина к революции как таковой, поскольку это дает возможность лучше понять целостность и последовательность его политической позиции. Еще в своей статье «Пророки и мстители», опубликованной в ноябре 1906 г., он провозглашает: «В жизни человека есть незыблемые моменты, неизменные жесты и слова, которые повторяются в каждой жизни с непреклонным постоянством... Подобными моментами в жизни народов бывают Революции» [Волошин 2005, с. 280—281].

Революция представлялась Волошину, таким образом, естественным, а не аномальным явлением человеческой истории: это перекликалось с глубоким убеждением поэта в том, что революционное или мятежное начало лежит в основе всей эволюции мира. Максимально отчетливо об этом будет заявлено в итоговой философской поэме «Путями Каина», в частности, в ее первой главе: «В начале был мятеж», «И все, что есть, началось чрез мятеж» [Волошин 2004, с. 7].

Мятеж является символом творческого элемента всего мироздания, которое состоит, по мысли поэта, из двух начал — косного, вещественного и творческого, духовного, которое в творчестве поэта символизирует образ огня.носителем такого творческого огня, по мысли М. Волошина, в природе является прежде всего человек, который именно поэтому по преимуществу огнеподобен, а, значит, мятежен, революционен.

Первым мятежником, согласно библейской мифологии, был Каин, поэтому он и стал зачинателем собственно человеческой истории, представляющей собой, по Волошину, череду восстаний против ранее достигнутого в культуре. Таким образом, можно сказать, что поэт метафизически приемлет революцию в той же самой мере, в какой он приемлет человека. Разумеется, принятие им русской революции как конкретного исторического явления оказывается гораздо сложнее. Ведь здесь нужно принять во внимание и исторический опыт, и конкретные национальные особенности страны и т.д. Говоря словами Н. Бердяева, «каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом, он вносит в революцию свои грехи и пороки...свою способность к жертве и к энтузиазму» [Из глубины... 1990, с. 55].

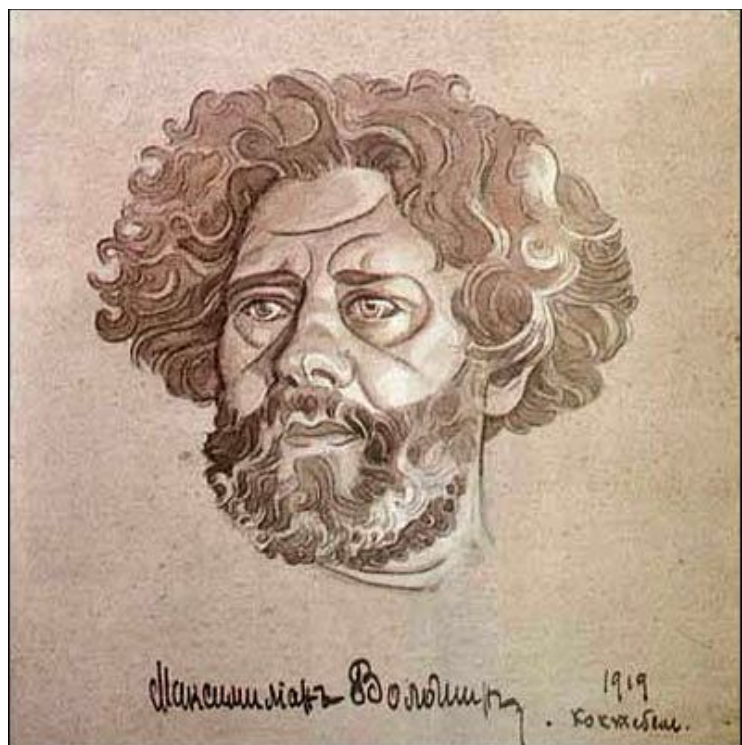
В первый период русской революции, когда ее собственные черты еще не проступили так ярко, поэт пытался разглядеть революцию сквозь призму хорошо ему известной революции французской. В это время общей духовной причиной

Бужор Е.С. ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

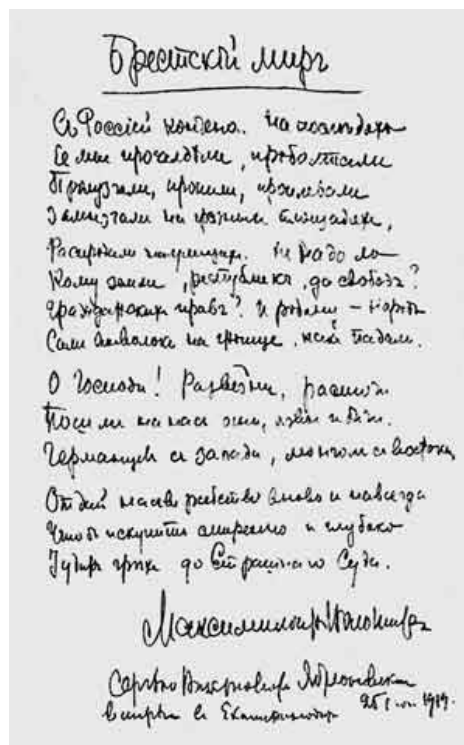
как французской, так и русской революции Волошин считал кризис идеи справедливости: «Революция? Революция — пароксизм чувства справедливости. Революция — дыхание тела народа...» (цит. по: [Воспоминания о Максимилиане Волошине 1990, с. 154]). Однако уже во французской революции проявилось трагическое противоречие между справедливостью идеалов и террором. Ее главный урок для художника таков: революция совершается во имя справедливости, но справедливость, утверждаемая абстрактно и тотально, неизбежно выливается в братоубийственную войну и всеобщее истребление. Именно поэтому с самого начала поэт иронизировал над «бескровностью» русской революции, понимая, что когда в самом начале провозглашается торжество гуманистических идеалов, значит, революция будет кровавой.

Однако такого понимания революции, базирующегося на общей типологии, было явно недостаточно. С самого начала М. Волошин ощутил, что нужно поместить происходящие в России события в какой-то более широкий контекст и в течение 1917 г. напряженно его искал. Следы этих поисков видны в переписке, которую он вел со своими корреспондентами в тот период: «Совершающееся волнует и тревожит. Но я еще не могу всего осознать, связать с мировым, с войной, с судьбами славянства» [Волошин 1994 б, с. 137]. Волошин конкретизирует характер своего поиска: «...поэт должен занять такую перспективную точку зрения, откуда он мог бы увидеть всю современность сверху, целиком включенную в общее нарастание истории, как один из связных актов человеческой трагедии» [Волошин 2007, с. 612] и добавляет (в своей статье «Россия распятая»): «Перспективная точка зрения, необходимая для поэтического подхода, была найдена: этой точкой зрения» стал «дух русской истории» [Волошин 2008 г, с. 460].

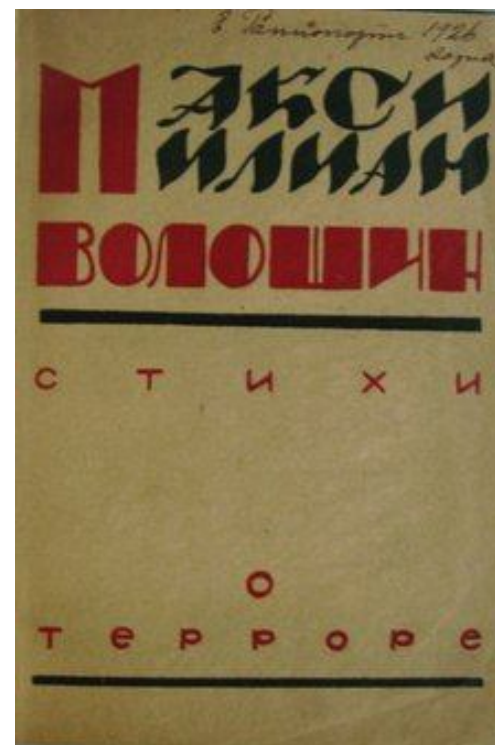
Уже самые первые наблюдения, сделанные поэтом в феврале 1917 г. во время демонстрации на Красной площади в Москве, позволили ему понять, «что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени» [Волошин 2008 г, с. 460].

Максимилиан Александрович Волошин. Автопортрет. 1919 г.

Слева: автографа стихотворения «Брестский мир» (1919).

Справа: Стихи о терроре. Берлин, 1923. Обложка

С одной стороны, подобно многим его современникам, М. Волошину казалось, что революция, призванная разрешить социальные противоречия Европы, по странному стечению обстоятельств разразилась в России, где для нее не было социальных предпосылок: «Как смертельные болезни — оспа, дифтерит, холера — предотвращаются прививками... так Россия, наиболее здоровая из Европейских стран, — в настоящий момент совершает жертвенный подвиг, принимая прививку социальной революции, чтобы, переболев ее, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе» [Волошин 2008 б, с. 437–438]. «Мы можем рассматривать нашу Революцию как одно из глубочайших указаний о судьбе России и ее всемирном служении» [Волошин 2008 б, с. 438]. «На наших глазах совершается великий исторический абсурд. Но в этом абсурде мы находим указание на провиденциальные пути России» [Волошин, 2008 в, с. 437].

С другой стороны, М. Волошину удалось увидеть в революции не только нечто новое для российской действительности или навязанное ей извне, но продолжение ее собственной истории. Он сумел подметить одну интересную особенность: вся история России революционна, то есть история России и есть своего рода «перманентная революция». Похожее мнение находим у Н. Бердяева: «На поверхности все кажется новым в русской революции... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы... Там узнаете вы старую Россию» [Из глубины... 190, с. 56]. Причина этого, согласно Волошину, лежит в своеобразном строе российской государственности. Наряду с ее охранительным, сдерживающим началом в отношении собираемых земель, поэт отмечает менее заметный для общественного сознания элемент — революционный: «...главной чертой русского самодержавия была его революционность: в России монархическая власть во все времена была радикальнее управляемого ею общества и всегда имела склонность производить революцию сверху... Так было во времена Грозного, так было во времена Петра» [Волошин 2008 г, с. 461–462].

Однако в 19 веке революционный элемент общества — разночинцы и интеллигенция, созданный самим же государством, — был вытеснен из системы государственных отношений и оказался в оппозиции к ней и к государству как тако-

Бужор Е.С. ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

вому. Последнее же, «перестав следовать исконным традициям русского самодержавия, само выделило из себя революционные элементы и вынудило их идти против себя. В этом ключ к истории русского общества второй половины 19 века» [Волошин 2008 г, с. 462]. В то же время в России искони имела место и анархическая, бунтарская революционность народных масс, антагонистом которой всегда вступала русская государственность. Таким образом, русская общественная жизнь и государственность оказались сплавленными из непримиримых противоречий: «с одной стороны, безграничная анархическая свобода личности и духа, выражающаяся во всем строе совести, мысли и жизни; с другой же — необходимость в крепком железном обруче», который мог бы сдержать весь сложный конгломерат... империи». Ни от того, ни от другого Россия не может отказаться: «империя... ей необходима... как крепкие огнеупорные стены тигля, в котором происходят взрывчатые реакции ее совести, обладающие страшной разрушительной силой. Равнодействующей этих двух сил для России было самодержавие», в котором народ не имел политических прав для сохранения внутренней свободы [Волошин 2008 г, с. 490]. Насколько путь самодержавия являлся естественным вектором государственного строительства в России, видно и из утверждения Волошина о сущности большевистского правления: с одной стороны, большевики были отрицателями старой государственности, а с другой, едва только принялись за созидательную работу, как «их шаги стали совпадать со следами, оставленными самодержавием, а новые стены, ими возводимые, совпали с только что разрушенными стенами низвергнутой империи» [Волошин 2008 г, с. 491].

Обнаружив предпосылки революции в самой истории России и поняв неизбежность «прививки социальной революции», поэт, тем не менее, неоднозначно высказывается о ее содержательном идеале — социализме — и основной движущей силе — большевиках. Примечательно, что, относясь к революции в целом положительно, М. Волошин видит в социализме не органичное для России начало, заимствованное с Запада. В письме от 18 мая 1917 г. к своему корреспонденту А.М. Петровой поэт пишет: «Больше, чем к кому-либо я чувствую неприязнь к социализму и гляжу на него, как на самую страшную отраву машинного демонизма Европы» [Волошин 1994б, с. 150]. У П.Б. Струве находим такую же оценку социализму: «Торжество социализма или коммунизма оказалось в России разрушением государственности и экономической культуры, разгулом погромных страстей» [Из глубины... 1990, с. 242]. Для М. Волошина, в конечном счете, социализм (как и «германизм») становится обожествлением комфортабельного эгоизма. Сравним у П.Б. Струве: «Социализм...упирается в пассивное потребление» [Из глубины... 1990, с. 243]. У М. Волошина: «Социализм является явлением отрицательным, потому что для направления настоящего он недостаточно практичен, а для выявления будущего его идеал слишком мелок. В настоящем он ограничивает свою роль справедливым распределением плодов производства, не заботясь ни о практическом, ни о моральном упорядочении его...» [Волошин 1994б, с. 150]. «...Я считаю себя вполне легальным, — писал М. Волошин Л.Б. Каменскому 1 января 1924 г., — советское правительство я признавал с самого начала, в частном своем обиходе я провожу коммунизм более строго, чем большинство политических коммунистов. Но марксизм и экономический материализм мне глубоко чужды — всей моей натуре и всему моему образу мыслей, которые совершенно не терпят ни политики, ни системы марксовых классификаций, ни самого понятия материализма, которые считаю научным абсурдом» [Волошин 1994а, с. 277].

Таким образом, Волошин понимает социализм как борьбу угнетенных классов за свои потребительские интересы, подтверждением тому служат, в частности, следующие строки: «...с точки зрения Града Господня и "буржуазия", и "пролетариат" это — едино, ибо основано на том же эгоизме и жажде благополучия» (цит. по: [Волошин 1995б, с. 541]). По этой причине определение в качестве положительного идеала революции социализма, по мнению поэта, приведет к печальному итогу: ее результаты не выведут общество из рамок несправедливого общественного устройства, основанного на жажде присвоения, овладения новыми материальными благами. «С самого начала я не питал никаких иллюзий относительно русской революции; я глубоко радовался тому, чему можно было порадоваться: падению старого строя, но не возлагал никаких надежд на революционное строительство», — напишет поэт в июле 1917 г. [Волошин 1998, с. 169—170]. Отсюда и социальное провидчество художника: «вероятнее всего, что сейчас она [Россия] пройдет через ряд социальных экспериментов, оттягивая их как можно дальше влево, вплоть до крайних форм социалистического строя... Но это отнюдь не будет формой окончательной, потому что впоследствии Россия вернется на свои старые исторические пути, то есть к монархии: видоизмененной и усовершенствованной...» [Волошин 2008 г, с. 460]. Поэт вновь и вновь говорит «о неизбежности государственных путей России», о том, что «Россия будет единой и останется монархической, несмотря на теперешнюю "социалистическую революцию"» [Волошин 2008 г, с. 499].

Односторонность социалистического идеала революции усугубляется также и крайне ожесточенной формой ее протекания, вылившейся в гражданскую войну. Надо отметить, что позиция поэта, занятая им по отношению к гражданской войне — молитва за тех и за других, — кажется весьма парадоксальной, если не соотносить ее с мировоззренческими установками поэта. Действительно, можно ли одновременно придерживаться двух противоположных точек зрения? Однако сам Волошин был убежден, что именно совместной борьбой двух враждующих сторон обеспечивается прорыв вперед. Позицию поэта, видимо, надо понимать так, что он молился о том, чтобы ни одна из сторон не потерпела поражения, поскольку, согласно одной из его основных идей, «Нет братства в человечестве иного, Как братство Каина» [Волошин 1995а, с. 208], то есть любое братство — это братство именно враждующих сторон. Какой-то смысл в этой жестокой и кровавой усобице поэт видел только в том случае, если обе враждующие стороны сумеют прийти к взаимному признанию: «Один из обычных оптических обманов людей, безумных политикой, в том, что они думают, что от победы той или иной стороны зависит будущее. На самом деле будущее никогда не зависит от победы одного принципа...» [Волошин 2008 г, с. 497]. Будущее строится

Бужор Е.С. ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

тогда, когда две правды, два принципа противопоставляются друг другу, не уничтожая, а в устойчивом равновесии, давая точку опоры для всего здания. Отсюда негативная оценка большевизма, как главной движущей силы революции.

В то же время, в отличие от социализма, представлявшегося Волошину заемным явлением, большевизм виделся ему явлением национальным. Так, он пишет в своей статье «На весах поэзии»: «Большевизм... явление национальное... Суть в том, что древняя, темная, историческая жизнь России, так долго скрывавшаяся под спудом империи, сразу выступила из берегов, как только большевистская пропаганда... обратилась с призывом... Тогда из народных глубин поднялись страшные призраки 16 и 17 века... большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России» [Волошин 2008а, с. 428]. В другой статье — «Русская бездна» — поэт повторяет: «Не будем закрывать глаза: большевизм — русское явление. Пусть его микробы были выведены в Германской лаборатории и введены в наш организм недобрыми руками, но они нашли в русской психологии особо благоприятную почву для развития, они проникли сквозь все наши исторические скважины, они сами претворились и переродились в нас, загорелись нашим горением, и теперь мы заражаем ими как нашей собственностью — славянской заразой». Главной силой большевизма автор считает пропаганду: «...он побеждает не силой мускулов, а чем-то вроде японских приемов борьбы... Большевики в совершенстве изучили все болючие сухожилия человеческого мозга и прекрасно знают все центры жадности, стяжания, эгоизма, которые достаточно придавить, чтобы сразу и безошибочно овладеть психологией пациента» [Волошин 2008д, с. 413—416]. В своей статье «Соломонов суд», написанной в сентябре-октябре 1919 г. по поводу осуждения генерала Н.А. Маркса судом Добровольческой армии в связи с его сотрудничеством с большевиками, М. Волошин прямо говорит о большевизме как психологической опасности, отождествляя его с нетерпимостью к противнику, желанием его непременно уничтожения. «"Большевизм" — это ... вовсе не то, что человек исповедует, а то, какими средствами и в каких пределах он считает возможным осуществлять свою веру». «Заражены большевизмом... те, которые пылают гневом классового мщения и валят своих врагов в одну кучу без разбора...» [Волошин 2008е, с. 435—436]. Поэтому автор считал большевиками не только красных, но и белогвардейцев, которые устраивали террор в отношении своих политических противников.

Таким образом, своеобразие позиции, которую М. Волошин занимает в период гражданской войны, можно в самом общем виде сформулировать так: быть в гуще борьбы среди враждующих, не поддерживая никого из них. Поэт не только противопоставил господствующей тогда враждебности свою позицию примирения, он противопоставил всем имевшим тогда место политическим платформам — социализму, монархизму, анархизму, буржуазному парламентаризму и др. — свой собственный политический идеал: «Я писал в десятках органах, от самых правых, до самых левых, и ни один из них не соответствовал моим политическим взглядам, так как я имею претензии быть автором собственной социальной системы, не соответствующих ни одной из существующих» (цит. по: [Воспоминания о Максимилиане Волошине 1990, с. 686]). В противовес революционной борьбе за материальные интересы, отождествляемой поэтом с социализмом, политический идеал Волошина представлял собой революционную борьбу за духовные интересы: Россия должна идти к религиозной революции, а не к социальной. В этом ключе была написана статья «Вся власть патриарху», напечатанная в газете «Таврический голос» 22 декабря 1918 г. Основной ее идеей была попытка указать на единственно, по мнению ее автора, возможный способ примирения — духовное взаимопонимание. М. Волошин верил, что, переболев мечтой о социальном рае, страна обязательно придет к духовному воскрешению.

Свою «социальную систему» Волошин определяет следующим образом: «Я вижу только один социальный строй, согласный с духом Христовым: когда каждый будет работать на других бесплатно, а нужное для себя будет получать в виде милостыни. Чтобы все было благодеянием и даром. Чтобы весь экономический строй был основан на нищенстве» [Волошин 1994 б, с. 136]. Волошин вполне определенно указывает координаты такого строя: «Мой единственный идеал — это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже и за гранью времен. Путь к нему — вся крестная, страстная история человечества». «Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к невозможному земному благополучию и комфорту. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии. И знаю заранее, что этот путь — путь страдания и мученичества». Это убеждение, безусловно, отражало общий дух русской философии. Так, у Н. Бердяева читаем: «Но путь к возрождению лежит через покаяние, через сознание своих грехов, через очищение духа народного от духов бесовских... Старая Россия, в которой было много зла и уродства, но также и много добра и красоты, умирает» [Из бездны... 1990, с. 89]. Таким образом становится более понятной позиция Волошина: «Я равно приветствую и революцию, и реакцию, и коммунизм, и самодержавие...» [Волошин 2008 г, с. 503]. В самом деле, революции, анархия, смута — все это вехи России на пути мученического восхождения к идеалу — Граду Невидимому, «конечное преображение земного царства в церковь» [Волошин 2008г, с. 492].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Волошин М. Бунтовщик // Волошин М. Жизнь — бесконечное познание: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения. М.: «Педагогика-Пресс», 1995а. 2. Волошин М. Жизнь — бесконечное познание: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения. М.: «Педагогика-Пресс», 1995б.	1. Voloshin M. (1995). Buntovshchik. In: Voloshin M. Zhizn' — beskonечноe poznan'e: Stikhotvoreniya i poemy. Proza. Vospominaniya sovremennikov. Posvyashcheniya. «Pedagogika-Press», Moskva. 2. Voloshin M. (1995). Zhizn' — beskonечноe poznan'e: Stikhotvoreniya i poemy. Proza. Vospominaniya sovremennikov. Posvyashcheniya. «Pedagogika-Press», Moskva.

БУЖОР Е.С. ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

3. Волошин М. На весах поэзии // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900—1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак, 2008а.
4. Волошин М. О революции // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900—1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак, 2008б.
5. Волошин М. Письмо к А. В. Гольштейн от 17 июля 1917 года // Звезда. 1998. №4.
6. Волошин М. Письмо к Л. Каменскому от 1 января 1924 года // Крым Максимилиана Волошина / Под ред. З. Давыдова, В. Купченко. Киев: «Мистецтво», 1994а.
7. Волошин М. Письмо к А.М. Петровой от 9 мая 1917 года // Москва. 1994б. № 7.
8. Волошин М. Пророки и мстители // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 3. Лики творчества, книга первая. О Репине. Суриков. М.: Эллис Лак, 2005.
9. Волошин М. Пути России // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900—1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак, 2008в.
10. Волошин М. Путями Каина // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1891—1931. М.: Эллис Лак, 2004.
11. Волошин М. Россия распятая // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900—1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак, 2008г.
12. Волошин М. Русская бездна // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900—1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. – М.: Эллис Лак, 2008д.
13. Волошин М. Соломонов суд // М. Волошин Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900—1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак, 2008е.
14. Волошин М. Эмиль Верхарн // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1. Проза 1906—1916. Очерки, статьи, рецензии. М.: Эллис Лак, 2007.
15. Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Советский писатель., 1990.
16. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд. Моск. унив., 1990.
17. Менделевич Э. Исторические взгляды Максимилиана Волошина// Менделевич Э.С. «Пойми простой урок моей земли...» (Статьи о Максимилиане Волошине). Орел: Труд, 2001.
18. Пинаев С. «Нам ли весить замысел Господний?» (Историософия М. Волошина) // Родина. 1996. № 2.
3. Voloshin M. (2008). Na vesakh poezii. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 6. Kn. 2. Proza 1900—1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany. Ellis Lak, Moskva.
4. Voloshin M. (2008). O revolyutsii. In: M. Voloshin Sbranie sochinenii. T. 6. Kn. 2. Proza 1900—1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany. Ellis Lak, Moskva.
5. Voloshin M. (1998). Pis'mo k A.V. Gol'shtein ot 17 iyulya 1917 goda. Zvezda. 1998. N 4.
6. Voloshin M (1994). Pis'mo k L. Kamenskomu ot 1 yanvarya 1924 goda. In: Krym Maksimiliana Voloshina. Pod red. Z. Davydova, V. Kupchenko. «Mistetstvo», Kiev.
7. Voloshin M. (1994). Pis'mo k A.M. Petrovoi ot 9 maya 1917 goda. Moskva. N 7.
8. Voloshin M. (2005). Proroki i mstiteli. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 3. Liki tvorchestva, kniga pervaya. O Repine. Surikov. Ellis Lak, Moskva.
9. Voloshin M. (2008). Puti Rossii. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 6. Kn. 2. Proza 1900—1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany. Ellis Lak, Moskva.
10. Voloshin M. (2004). Putyami Kaina. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 2. Stikhotvoreniya i poemy. 1891—1931. Ellis Lak, Moskva.
11. Voloshin M. (2008). Rossiya raspyataya. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 6. Kn. 2. Proza 1900—1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany. Ellis Lak, Moskva.
12. Voloshin M. (2008). Russkaya bezdna. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 6. Kn. 2. Proza 1900—1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany. Ellis Lak, Moskva.
13. Voloshin M. (2008). Solomonov sud. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 6. Kn. 2. Proza 1900—1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany. Ellis Lak, Moskva.
14. Voloshin M. (2007). Emil' Verkharn. In: Voloshin M. Sbranie sochinenii. T. 6. Kn. 1. Proza 1906—1916. Ocherki, stat'i, retsenzii. Ellis Lak, Moskva.
15. Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine. Sovetskii pisatel', Moskva. 1990.
16. Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revolyutsii. Izd. Mosk. univ., Moskva. 1990.
17. Mendelevich E. (2001). Istoricheskie vzglyady Maksimiliana Voloshina. In: Mendelevich E.S. (2001). «Poimi prostoi urok moei zemli...» (Stat'i o Maksimiliane Voloshine). Trud, Orel.
18. Pinaev S. (1996). «Nam li vesit' zamysel Gospodnii?» (Istoriosofiya M. Voloshina). Rodina. N 2.

**ASSESSMENT OF RUSSIAN REVOLUTION
IN THE WORK OF MAXIMILIAN VOLOSHIN**

Evgeniya S. Buzhor, a graduate of Moscow State Pedagogical University, second year postgraduate student at the Department of History of Philosophy, Russian University of Peoples' Friendship (Moscow)
E-mail: viesbuzhor@yandex.ru

The paper discusses the conception of Russian Revolution of 1917 presented in the writings of Russian poet Maximilian Voloshin (1877—1932). Voloshin understands revolutions not as extraordinary but as “natural” phenomena of world’s history. This view is based on his fundamental concept that rebellion is at the root of the human progress. In his poem “Cain’s Ways” the poet modifies the first words of the Gospel of John: In the beginning there was a Rebellion. For the poet the world is composed of two elements: inert, material and creative, spiritual. The bearer of this creative element is Man therefore Man is the revolutionary, rebellious creature. The first rebel was Cain who thereby is the real founder of human history that is considered by Voloshin as a successive sequence of rebellions against the traditional structures.

Voloshin’s view of Russian Revolution is based on this general pattern however is more complex since the poet takes into consideration its national and historical character. Besides the poet’s assessment of Russian Revolution was not static but has changed as the Revolution was developing and assuming new images.

Initially Voloshin was thinking that Russian Revolution had same grounds as the Great French Revolution. In his opinion both revolutions were driven by the idea of Justice. However being an abstract and rigorous idea Justice would inevitable lead to Terror. Therefore unlike his contemporaries who welcomed the peaceful demolition of the monarchy Voloshin was cautious and anticipated more cruel and bloody stages of the Revolution. However in the soon time Voloshin changed his belief that Russian Revolution was driven by the idea of Justice since in his view Russia in fact did not have such radical social cleavages and hostility of classes that were characteristic for European nations. At the same time

Бужор Е.С. ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Voloshin rejected the idea that Russian Revolution was imported from the West and tried to fit it in the context of national history. This gave Voloshin, as he himself put it, a "rightful perspective point of view" that allowed him to see in the Russian Revolution not interruption but continuation of Russian national history. The reason of Revolution lies in the specific dual character of Russian monarchy: one the one side it was the most advanced part of Russian society that was modernizing other societal segments; one the other, Russian monarchy contained a conservative element that was necessary to hold the boundaries of the Russian Empire. In 19 century the conservative element in Russian monarchy intensified while the revolutionary aspect was pushed out and found a new bearer – Russian Intelligentsia – that fused with the original anarchism of popular masses. The combination of these factors generated Russian Revolution.

This approach explains Voloshin's different evaluation of Socialism and Bolshevism. He denied Socialism as an alien element for Russian mentality since the ideas of Socialism were limited for the poet to the struggle of lower classes for material benefits. At the same time he considered the Bolsheviks who were advocates of the Socialism an organic and purely Russian phenomenon. The thing is that for Voloshin the Bolshevism was rather a psychological than political formation. Its main aspects for Voloshin were radical intolerance and hatred to the enemy for which he found roots in the national psychology. Therefore the poet considered that not only the Bolsheviks but their political adversaries were the bearers of the same spirit of Bolshevism. These ideas allowed Voloshin to work out his own attitude to the revolutionary struggle which consisted in the fact that one shall not support any of the feuding parties but call for their reconciliation, for overcoming the spirit of intolerance and hatred. Voloshin realized the vague chances of calling to peace the parties that were struggling for material interests and political power and believed that to achieve this ideal the Revolution shall change its character from material to spiritual. Voloshin acknowledged that his political ideal goes beyond the limits of the empirical world and proclaims a Religious Revolution that would lead to spiritual transformation and establishment of Civitas Dei. Any other, more mundane social and political ideals are palliatives that with the passing of time would necessarily generate new rebellions and new civil wars.

Keywords: revolution, the spirit of Russian history, spirituality, monarchy, socialism, Civitas Dei (City of God), a religious revolution